

Секция 5 НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

17 мая 2013 г. Лекционный зал № 5

Руководители секции:

С. Р. АБРАМОВ заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор
Р. ГЕРРА доктор филологических наук Парижского университета (Франция)

ДОКЛАДЫ

С. Н. Артановский¹

РАННИЙ КОМПАРАТИВИЗМ: БРАТЬЯ ВЕСЕЛОВСКИЕ

В середине XIX века в русской фольклористике и литературоведении появилось течение, которое избрало своим основным методом сравнительно-исторический. Суть этого метода заключалась в том, что ученые пытались установить, в фольклорно-литературной традиции какого народа появились определенные сюжеты, которые потом передавались от народа к народу, принимали новый облик в иной национальной среде, образуя цепочку «бродячих сюжетов» и в конечном счете становясь частью единого всемирно-исторического литературного процесса.

Теперь немного истории. Становление русской национальной культуры относится к началу XIX века. Импульсами для этого процесса стали победа над наполеоновскими войсками и свободолюбивые духовные поиски русской дворянской интеллигенции, в частности декабристов.

Большой вклад в становление русской науки внесли труды отечественных этнографов, в начале XIX века рьяно взявшихся за изучение русской старины. Позади осталось наивное стремление XVIII столетия найти «дух народов» в неизблемой природе естественного человека и в случайностях исторической жизни. XIX век понял значение истории как закономерного процесса, сформировал историзм в его различных проявлениях.

Одним из таких проявлений историзма был сравнительный метод. До этого в науке о фольклоре господствовала мифологическая школа. Ее главным представителем в России был Александр Николаевич Афанасьев, опубликовавший книгу «Поэтические воззрения славян на природу» (1866–1869). Вслед за ним пришел

¹ Почетный профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Историческое единство человечества и взаимное влияние культур», «Критика современной зарубежной философии», «Исторические закономерности развития культуры», «Введение в социальную экологию», «На перекрестке идей и цивилизаций», «Культура как мудрость».

Ф. И. Буслаев, многочисленные труды которого относятся к более позднему времени.

Основная идея ученых мифологического направления заключалась в том, что в основе духовной жизни древних народов лежала мифология, получившая разработку и развитие в разнообразных художественных произведениях устного фольклора. Ученые мифологической школы утверждали, что наличие сходных сюжетов и мотивов в фольклоре и древней литературе различных народов, часто удаленных друг от друга во времени и пространстве, объясняется общностью их мифологических представлений, что, в свою очередь, вызвано общностью психологического склада человечества.

«Мифологи» — сначала немецкие, например братья Гримм, — накопили много интересных материалов, сделали массу тонких наблюдений, ввели в научный и литературный оборот сказки, пословицы и многое другое. Вслед за Германией Россия и другие европейские страны добились больших успехов в изучении фольклора. Под влиянием этих достижений в России в 1840-е годы появилось и утвердилось в общественной мысли понятие *народности*. Под народностью понимали совокупность обычаев, особенностей быта, представлений и верований этноса. В независимой русской мысли народность противопоставляли летописи княжеских и царских ратных подвигов и завоеваний, указов и повелений, иногда и казней. В эти годы Бокль в Лондоне уже обдумывал свою «Историю цивилизации в Англии», позже ставшую настольной книгой русских либералов. Но и в официальной идеологии России нашлось место термину *народность*, который Уваров включил в свою известную формулу, где он был со временем истолкован как антитеза западническому либерализму.

Однако чем дальше рос снежный ком конкретно-этнофольклорного материала, чем больше насыщалось общественным смыслом понятие народности,

тем очевиднее становилось несовершенство методологии мифологов. Все заметнее проявлялись гадательность и произвольность их теоретических построений, и в особенности натянутость тех объяснений, которые они давали памятникам фольклора и древней литературы. Надвигался кризис старой методологии. Чувствовалась потребность в новых идеях. С другой стороны, под влиянием Запада в России проявились свежие тенденции в изобразительном искусстве, литературе, музыке. Но постепенно сложились национальные школы в искусстве и науке, по-своему преобразовавшие то, что шло из Европы. В связи с этим возникло желание сравнить свое и иноземное, проследить параллели, пути распространения западных влияний. В русле этих духовных запросов находится и научное творчество братьев Веселовских.

Опубликованные в 1850-х годах работы Александра Николаевича Веселовского проложили новый путь в гуманитарных исследованиях. В этих трудах ученый дал блестящие образцы применения сравнительно-исторического метода.

Скажем несколько слов о личности Александра Николаевича. Дворянский род Веселовских дал России многих выдающихся деятелей. Особенно известны три брата — Авраам, Исаак и Федор — все дипломаты времен Петра Великого. В Англии и других европейских странах они успешно выполняли важные дипломатические поручения, но иногда им приходилось скрываться в этих странах: прослышав о преследованиях, которым подвергались их друзья и покровители в России, они боялись вернуться домой. Их непростые судьбы подробно описаны в исторической литературе. Александр Николаевич родился в Москве в семье генерала и крупного землевладельца. Научная деятельность его началась за границей. Венцом этого периода было исследование «Вилла Альберти», опубликованное на итальянском языке. Оно имело большой успех в кругу западноевропейских ученых, и Веселовский стал подумывать о том, чтобы навсегда обосноваться в Италии. Но слава его дошла и до Петербурга, и оттуда в Италию пришло письмо с предложением занять место заведующего кафедрой Петербургского университета. Александр Николаевич это предложение принял, и с тех пор его деятельность была неразрывно связана с петербургским университетом и городом на Неве.

Суть научных поисков Веселовского в следующем. Изучив множество произведений древнерусской литературы, ученый обнаружил в них ряд мотивов и сюжетов, которые встречаются в литературных памятниках других народов, в частности, народов Западной Европы. Веселовский показал, что общность сюжетов появляется не за счет наличия некоторых общих мифов, но нередко является результатом заимствований. Свои наблюдения Веселовский распространил на большое число произведений, во многих случаях показав конкретно-исторические пути заимствований и влияний. Так созрел и укрепился сравнительно-исторический, или компаративный, метод фольклористического и литературоведческого исследования.

Александр Веселовский был не единственным европейским ученым, разрабатывавшим в 1850-е годы

компаративный метод. В предисловии к немецкому переводу «Панчатантры» (1859) Т. Бенфей на большом конкретном материале показал, что сюжетное сходство фольклорных и литературных произведений может объясняться тем, что литературные сюжеты перемещаются в пространстве, переходя из страны в страну, от народа к народу. Так, из Индии многие сюжеты попали к персам и арабам, а от них к народам Европы. Примером являются «Сказки тысячи и одной ночи».

Соображения Бенфея дали толчок теории заимствований, использованию компаративного метода в фольклористике и литературоведении. Но вскоре они подверглись серьезной критике. В особенности это относилось к подходу к историческим фактам, характерному для Т. Бенфея. Немецкий филолог в своих построениях находился во власти господствовавшей в то время «индоевропейской лингвистики», особенное значение придававшей санскриту и рассматривавшей Индию как прародину всех европейских языков, да и всей европейской словесности. В отличие от Бенфея, Александр Веселовский ввел в научный обиход обширный славянский материал, проанализировал множество древнерусских сказаний, установил их связь с западноевропейскими повестями. Одна из его самых известных работ называется «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западноевропейские легенды о Морольфе и Мерлине» (1872).

В 1940-х годах во время навешанной политическими мотивами кампании по «борьбе с космополитизмом» официальная большевистская наука обвинила Александра Веселовского в космополитизме. Имя его не сходило со страниц статей и памфлетов, в которых разоблачались «безродные космополиты». Если считать критерием исключительную межнациональную широту научного кругозора Александра Николаевича, его владение многими европейскими языками, его действительно можно назвать космополитом. Возможно, подобно многим богатым дворянам своего времени, годами жившим в странах Западной Европы, Веселовский в своих житейских привычках, а не исключено, и в научных подходах не был чужд некоторого «европеизма» — так же, как, например, И. С. Тургенев. Но он был верным сыном России, и ничего антирусского в его научном творчестве не было. Как раз наоборот: достижения сравнительно-исторического изучения культур показывали богатство международных связей русской культуры, существовавших с древних времен, и тем самым свидетельствовали о достоинстве русской культуры. По сути дела, сравнительно-исторические исследования указывали на то, что русской культуре было что дать человечеству и что она обладала способностью самобытно развиваться, усваивая чужеземные влияния. Другими словами, был собран конкретный материал для обоснования тезиса об интернациональном измерении русской культуры. Несколько позже этот материал межнациональных связей вошел в комплекс представлений о двуединой основе русской национальной идеи — как утверждения о внутреннем богатстве русского национального развития и как его внешней духовной экспансии и силе поглощения ею иноземных влияний.

Однако нельзя отрицать, что сравнительно-исторический метод на раннем этапе его развития имел и серьезные недостатки. С особой силой они проявились в книге Алексея Николаевича Веселовского, родного брата Александра, «Западное влияние в новой русской литературе». Алексей Николаевич родился в Москве, в молодости служил в армии, затем окончил Московский университет. В дальнейшем его академическая деятельность оказалась связанной с этим университетом и вообще с Москвой. Выйдя в отставку в офицерском чине, Алексей Николаевич посвятил свою жизнь литературоведческим исследованиям, преимущественно в области западной литературы. Его многочисленные эссе написаны живо и увлекательно. Но наибольшую известность ему принесла книга, уже упомянутая нами. Ее первое издание вышло в 1883 году, за ним вскоре последовало еще несколько изданий, в 1916 году вышло пятое издание. Впрочем, автору книга принесла не только лавры. Рецензенты отметили то, что они поняли как антипатриотический дух книги: мол, автор, кроме иностранных влияний, ничего в русской литературе не увидел. Веселовский энергично защищался, писал одно за другим предисловия к новым изданиям, не скупился на сильные слова, уверял, что сам ненавидит «чужебские» и, конечно, никакого отношения к нему не имеет. Но это помогало плохо.

Так было 100 лет назад. Но и сегодня, перечитывая книгу Алексея Николаевича, испытываешь чувство оскорбленной национальной гордости. Глава за главой, страница за страницей идут утверждения, что такой-то русский классик был под французским, немецким или иным влиянием, в молодости много читал иностранных книг и так до конца своих дней остался под их воздействием. Больше ничего о его творчестве не сказано. Невольно создается впечатление, что кроме этих влияний в его произведениях ничего и не было. Петербургскую академию наук, пишет Алексей Веселовский, создали немецкие ученые. Крылов в молодости увлекался чтением французских книг и под их влиянием написал свои пьесы. Позже читал Лафонтена и, переводя его сюжеты, использовал их для создания своих басен. И так далее.

А ведь это и в самом деле так! Только почему автор не добавил к сказанному, что Ломоносов, воспользовавшись тем, что сделали немцы, продвинул дела Академии вперед, а некоторым чересчур амбициозным немецким ученым объявил войну? И почему он умолчал о том, что басни Крылова написаны замечательным русским языком, критика в адрес власти перенацелена с французского абсолютизма на русский? И что некоторые басни Крылов написал самостоятельно, не пользуясь наследием Лафонтена, который, кстати сказать, широко использовал сюжеты Эзопа? Если бы он упомянул об этом, хотя бы бегло, все претензии к нему были бы сняты.

Но неужели Алексей Веселовский, ученый большой эрудиции, ничего не знал о самобытной переработке иностранных влияний в русской литературе? Об этом известно даже просто образованной публике. Нет, конечно, он об этом отлично знал, но придерживался го-

сподствовавшей в те времена позитивистской методологии. А она запрещала ученому выходить за рамки заявленной темы, требовала держаться фактов как можно ближе и избегать обобщений и всяких чувств. Ученый поставил своей задачей констатировать наличие иностранных влияний в русской литературе — и сделал это весьма успешно. Остальное его не касалось. И получился конфуз. Почтенный профессор, родом из семьи, на протяжении столетий служившей России верой и правдой, очутился едва ли не в компании каких-то нигилистов, людей, славного своего родства не помнящих.

Разумеется, возможны другие толкования несомненного факта игнорирования Алексеем Веселовским самобытного освоения западных влияний в русской словесности, и именно такие толкования были сделаны теми советскими учеными, которые «боролись с космополитизмом». Но мы полагаем, что ошибка Веселовского — методологическая, и национальный нигилизм тут ни при чем.

В последней трети XIX века в гуманитарных исследованиях продолжался процесс накопления и обработки фольклорно-языкового материала, который начался еще в XVIII веке и которому дали импульс труды А. Н. Афанасьева и Ф. И. Буслаева. Работа над толковым словарем русского языка, в которой приняли участие Петр Киреевский и другие энтузиасты, была прежде всего подвигом Вл. Даля, посвятившего ей многие годы жизни. Отметим, что под влиянием компаративизма Буслаев в последние годы творческой деятельности, трагически прерванной слепотой, стал использовать в своих трудах компаративный метод.

В своем дальнейшем развитии компаративизм преодолел многие недостатки своих первых начинаний. Вехой на пути его развития стал 1905 год, когда в Париже под редакцией Ф. Бальденсперге стал выходить журнал «Обозрение сравнительной литературы», международный по составу участников. Среди его авторов не последнее место заняли русские ученые. Получили широкую известность труды академика В. Ф. Шишмарева, позже — М. П. Алексева, который на склоне лет был удостоен звания почетного доктора Сорбонны, действительного члена Российской академии наук. Он получил и другие российские и международные почетные дипломы.

Сравнительно-исторический метод широко используется в гуманитарных исследованиях и сегодня, но он во многом уже не такой, каким был в XIX столетии. Ученые, использующие этот метод, в своих сопоставлениях и генеалогии «бродячих сюжетов» более осторожны, чем их предшественники. Сегодня эти представления входят в более широкое понятие *диалога культур* или, выражаясь более точно, диалога народов мира посредством культуры. Но мы с благодарностью вспоминаем братьев Веселовских и других пионеров компаративных исследований, которые в свое время внесли в них большой вклад и тем самым сделали возможными современные достижения литературно-фольклористического компаративизма.